

Столыпинский
вестник

Научная статья

Original article

УДК 340.132.6

**ПРЕДЕЛЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ СУДАМИ РФ И
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

LIMITS OF INTERPRETATION OF LEGAL NORMS BY THE COURTS OF THE
RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

Решетников Евгений Алексеевич, магистр, аспирант ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики» (190103, Россия, г. Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44, литера А) тел. 8(911) 726-26-99, alucard2203@yandex.ru

Reshetnikov Evgeny Alekseevich, master, post-graduate student of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics (190103, Russia, St. Petersburg, Lermontovsky pr., 44, letter A) tel. 8(911) 726-26-99, alucard2203@yandex.ru

Аннотация: Толкование закона в теории права определяется как «выражающаяся в особом юридическом акте интеллектуально-волевая деятельность субъектов права по уяснению и разъяснению смысла норм права в целях их наиболее правильной, быстрой и экономной реализации». В зависимости от цели толкования обычно выделяют: толкование-уяснение как мыслительный процесс, не выходящий за границы сознания самого интерпретирующего лица; толкование-разъяснение, представляющее собой деятельность, следующую за уяснением и состоящую в объяснении смысла воли законодателя иным участникам

общественных отношений. В связи с вышеизложенным, в настоящей статье, автором предпринята попытка научного анализа и критического осмысления пределов толкования правовых норм судами РФ и Республики Беларусь.

Abstract: The interpretation of the law in the theory of law is defined as "the intellectual and volitional activity of the subjects of law expressed in a special legal act to understand and clarify the meaning of the rules of law in order to implement them most correctly, quickly and economically." Depending on the purpose of interpretation, it is usually distinguished: interpretation-clarification as a thought process that does not go beyond the boundaries of the consciousness of the interpreter himself; interpretation-explanation, which is an activity following the clarification and consisting in explaining the meaning of the will of the legislator to other participants in public relations. In connection with the foregoing, in this article, the author made an attempt to scientific analysis and critical understanding of the limits of interpretation of legal norms by the courts of the Russian Federation and the Republic of Belarus.

Ключевые слова: пределы толкования, правовые нормы, суды РФ, суды Республики Беларусь.

Keywords: limits of interpretation, legal norms, courts of the Russian Federation, courts of the Republic of Belarus.

Толкование закона не является какой-либо стадией применения уголовного закона. Толкование норм права – составная часть процесса применения правовых норм, без чего невозможно их правильное применение. Хотя данное утверждение представляется бесспорным, с помощью него нельзя четко разграничить соотношение понятий «применение уголовного закона по аналогии» и «толкование уголовного закона по аналогии», поскольку аналогия может использоваться как при толковании, так и при применении уголовного закона. Следовательно, необходимо выяснить, каково соотношение аналогии и толкования уголовно-правовых норм. [4, с. 33]

Толкованием уголовного закона необходимо признавать лишь ту умственную деятельность, которая связана с уяснением смысла текста закона посредством

систематического и грамматического анализа с преобладанием первого. Иные методы выяснения мысли законодателя, не получившей отражение в УК РФ, не вправе считаться толкованием, потому что, по сути, являются интуитивными предположениями субъекта толкования о том или ином результате прояснения смысла.

Мы не придерживаемся такой категоричной точки зрения, потому что, на наш взгляд, некоторые виды толкования могут «укладываться» в другие. Например, расширительное толкование уголовного закона может быть соединено с системным толкованием.

Так, признак «нападение» в составе разбоя толкуется расширительно «в случаях, когда в целях хищения чужого имущества в организм потерпевшего против его воли или путем обмана введено опасное для жизни или здоровья сильнодействующее, ядовитое или одурманивающее вещество с целью приведения потерпевшего в беспомощное состояние». При этом приходится исходить также из системного толкования УК РФ, поскольку если ч. 1 ст. 162 УК РФ соотнести с ч. 1 ст. 161 УК РФ, то окажется, что квалификация содеянного как открытого хищения чужого имущества не будет учитывать степени общественной опасности преступления, потому что вводимое в организм потерпевшего вещество опасно для жизни или здоровья потерпевшего лица. [1, с. 26]

По нашему мнению, у законодателя нет каких-либо теоретических преград для закрепления формулировки прямого умысла применительно к преступлениям с формальными составами в УК РФ. К тому же уже имеется опыт решения данной проблемы в Республике Беларусь. В ст. 24 УК этого государства предусмотрена ст. 24, в которой раскрывается содержание вины в преступлении, не связанном с наступлением последствий: [6, с. 459]

1. В преступлении, для наличия которого не требуется наступления общественно опасных последствий, форма вины устанавливается по отношению лица к общественно опасному деянию.

2. Преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия и желало его совершить.

3. Преступление признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, не сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, хотя должно было и могло это сознавать.

Однако эта проблема в российском УК до сих пор на законодательном уровне не решена.

Пленум Верховного Суда РФ настаивает на применении аналогии закона при решении вопроса о юридической оценке причинения вреда при мнимых обстоятельствах уже несколько десятилетий. При этом проблема не получает решения в российском уголовном законе, несмотря на пристальное внимание к этой проблеме со стороны ученых²⁴⁵. Очевидно, что данная проблема может быть достаточно просто решена путем включения в УК РФ нормы об ошибке в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, как это сделано, например, опять же в ст. 37 УК Республики Беларусь.

Данная норма гласит: «Если лицо вследствие заблуждения считало, что находится в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости либо осуществляет задержание лица, совершившего преступление, но по обстоятельствам дела не должно было и не могло сознавать отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, его действия оцениваются соответственно по правилам статей 34, 35 и 36 настоящего Кодекса. Если в сложившейся обстановке лицо должно было и могло предвидеть отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, оно подлежит ответственности за причинение вреда по неосторожности».

Однако многолетнее молчание законодателя как по вопросам квалификации причинения вреда при мнимых обстоятельствах, содержания прямого умысла в преступлениях с формальными составами, так и по другим немаловажным вопросам, приводит к мысли о необходимости использования аналогии при реализации норм уголовного права, относящихся к Общей части.

Судя по отношению к аналогии закона в уголовном праве, зарубежные государства условно можно разделить на две категории. Одна категория включает в себя страны, где действуют уголовно-правовые нормы, содержащие либо прямой запрет аналогии закона и расширительного толкования, либо запрет установления уголовной ответственности за деяния, не предусмотренные уголовным законом. Вторая категория государств – это те из них, в которых применение уголовного закона по аналогии разрешено. Следует отметить также и то обстоятельство, что если аналогия в уголовном праве какого-либо государства разрешена, то такое дозволение сопровождается определенными ограничениями. С другой стороны, если аналогия закона официально запрещена, то не заставляют себя ждать случаи, когда без использования такой аналогии правоприменение не обходится. [3, с. 482]

Первая категория представлена такими государствами, как Франция, Федеративная Республика Германия, Китайская Народная Республика, Япония, а также бóльшая часть государств – участниц Содружества Независимых Государств.

В ст. 111-4 Уголовного кодекса Франции 1992 г. предусмотрена специальная норма, согласно которой уголовный закон подлежит строгому толкованию²⁹³. Это требование берет свое начало из французского конституционного права, в нормах которого также предусмотрен запрет на использование расширительного толкования уголовно-правовых норм и на применение их по аналогии.

Однако мнение Палаты по уголовным делам Кассационного Суда Франции таково, что правило о строгом толковании не является преградой для расширительного толкования норм, являющихся для обвиняемого более благоприятными. В качестве примера можно привести ст. 64 УК Франции 1810 г., которая гласила: «Нет ни преступления, ни проступка, если во время совершения деяния обвиняемый был в состоянии безумия или если он находился под принуждением силы, которой не мог противостоять».

Н. Е. Крылова отмечает, что «действие приведенной нормы было распространено не только на исполнителей преступлений и проступков, о которых

говорилось в статье, но и на исполнителей нарушений – третьей, наименее опасной, категории преступных деяний по французскому уголовному праву». [5, с. 36]

В связи с этим, можно сделать вывод, что практика применения норм уголовного права Франции сопровождалась исключениями из требования о строгом толковании. Схожее изъятие из правила, но находящееся не в правоприменительной практике, а непосредственно в уголовном кодексе, можно заметить и в Республике Молдова. Часть 2 ст. 3 УК данного государства закрепляет запрет не любого распространительного толкования уголовно-правовых норм (такой запрет содержится в уголовных кодексах ряда государств СНГ, например, Беларуси, Таджикистана и др.), а лишь толкования, ухудшающего положение совершившего преступление лица. В данном случае, хотя это уточнение и должно служить защите лица, совершившего преступление, от необоснованного привлечения к уголовной ответственности, в нем присутствует явный недостаток, заключающийся в наличии возможности использования этого уточняющего положения для необоснованного ухода от уголовной ответственности.

Следует также отметить, что в большинстве уголовных кодексов стран постсоветского пространства (за исключением уголовных кодексов Грузии, Киргизии и Туркменистана), как и в УК России, предусмотрена отдельная норма о недопустимости использования аналогии при применении уголовного закона. По уголовным законам Киргизии и Таджикистана единственным основанием наступления уголовной ответственности считается совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом, что, на наш взгляд, также не допускает использования аналогии. Менее ясно отношение грузинского законодателя к восполнению пробелов. В ст. 7 УК Грузии говорится: «основанием уголовной ответственности является преступление, то есть предусмотренное настоящим Кодексом противоправное и виновное деяние». Эта формулировка не дает четкого ответа на вопрос о том, разрешена аналогия или запрещена, что, по нашему мнению, дает повод для ее применения. [2, с. 38]

В уголовном праве тех государств, где аналогия официально запрещена, как правило, можно увидеть исключения из такого запрета, которые в основном связаны с возможностью использования аналогии в случаях, не связанных с усилением уголовной ответственности. Подобные исключения либо предусматриваются в уголовном законе, либо находят выражение в уголовно-правовой доктрине и практике применения норм уголовного права.

Наблюдается и противоположная тенденция, заключающаяся в отказе от неограниченного применения аналогии в уголовном праве государств, где таковая разрешена. Ограничения в данном случае состоят либо в использовании метода аналогии закона как средства его толкования, либо лишь применительно к общей части уголовного права, либо только по отношению к объективной стороне преступления (что является, пожалуй, самым меньшим ограничением).

Выявленный зарубежный опыт можно использовать при определении перспектив применения норм российского уголовного права по аналогии закона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбунова, Е. С. О пределах толкования конституционным судом норм Конституции Российской Федерации / Е. С. Горбунова, А. А. Зверева // Экономика. Бизнес. Финансы. – 2019. – № 3. – С. 24-27.
2. Колесников, Е. В. Толкование основных норм конституционным судом России: проблема способов толкования / Е. В. Колесников, Я. В. Солостовкая // Правовая политика и правовая жизнь. – 2018. – № 1. – С. 33-41.
3. Лемехов, С. В. Пределы правоприменения и толкования международно-правовых норм в праве социального обеспечения / С. В. Лемехов // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 17. – С. 475-484.
4. Момотов, В. В. Толкование правовых норм Верховным судом Российской Федерации в контексте современной правовой системы (окончание)1) / В. В. Момотов // Государство и право. – 2018. – № 5. – С. 30-36.
5. Момотов, В. В. Толкование правовых норм Верховным судом Российской Федерации в контексте современной правовой системы / В. В. Момотов // Государство и право. – 2018. – № 4. – С. 30-39.

6. Павленко, Ю. С. Правовой анализ решения сложных правовых проблем в практике толкования уголовного закона Верховным судом РФ / Ю. С. Павленко // Актуальные вопросы развития юридической науки. 2019. – С. 455-463.

References

1. Gorbunova, E. S. On the limits of interpretation by the constitutional court of the norms of the Constitution of the Russian Federation / E. S. Gorbunova, A. A. Zvereva // Economics. Business. Finance. - 2019. - No. 3. – P. 24-27.
2. Kolesnikov, E. V. Interpretation of the basic norms by the constitutional court of Russia: the problem of methods of interpretation / E. V. Kolesnikov, Y. V. Solostovskaya // Legal policy and legal life. - 2018. - No. 1. – P. 33-41.
3. Lemekhov, S. V. Limits of law enforcement and interpretation of international legal norms in social security law / S. V. Lemekhov // Issues of Russian justice. - 2022. - No. 17. – P. 475-484.
4. Momotov, V. V. Interpretation of legal norms by the Supreme Court of the Russian Federation in the context of the modern legal system (end)1) / V. V. Momotov // State and Law. - 2018. - No. 5. – P. 30-36.
5. Momotov, V. V. Interpretation of legal norms by the Supreme Court of the Russian Federation in the context of the modern legal system / V. V. Momotov // State and Law. - 2018. - No. 4. – P. 30-39.
6. Pavlenko, Yu. S. Legal analysis of solving complex legal problems in the practice of interpretation of the criminal law by the Supreme Court of the Russian Federation / Yu. S. Pavlenko // Actual issues of the development of legal science. 2019. – P. 455-463.

© Решетников Е.А., 2022. Научный сетевой журнал «СтолЫпинский вестник» №6/2022.

Для цитирования: Решетников Е.А. ПРЕДЕЛЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ СУДАМИ РФ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ // Научный сетевой журнал «СтолЫпинский вестник» №6/2022.